

0724836-1

На правах рукописи

Погорелко Александр Михайлович

**СИСТЕМА СРЕДСТВ АДРЕСАЦИИ РУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое
сопоставительное и типологическое языкознание.

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

А.М.П.

Уфа 2001

Диссертация выполнена на кафедре английского языка
Башкирского государственного университета

Научный руководитель - кандидат филологических наук,
доцент З.З. Чанышева

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор Л.А. Фатыхова

кандидат филологических наук,
доцент О.Н. Новикова

Ведущая организация – Уфимский государственный
авиационный технический университет,
кафедра иностранных языков

Защита состоится “25” января 2002 года в 10-00 часов
на заседании диссертационного совета К 064.13.12 при Башкирском
государственном университете по адресу: 450076, Уфа, ул.
Коммунистическая, 19.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Башкирского государственного университета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000088721

Автореферат разослан “24” декабря 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

З.З. Чанышева

Обращение в русском и английском языках представляет собой одну из самых употребительных речевых единиц, связанных с конвенциональными нормами речевого поведения, выработанными как в рамках всей этнокультурной общности, так и в различных социальных группах, входящих в ее состав. Русские и английские обращения находят употребление в самых разных ситуациях общения, используются людьми, обладающими самыми разными социальными признаками, направляются разным адресатам. По этой причине изучение системы обращений представляет собой специфический инструмент анализа культуры носителей языка, так как используемый представителями этнокультурной общности набор средств адресации (то есть языковых средств, способных выполнять функции обращения), является своеобразным отображением значимых с точки зрения этнопсихологии и культурной традиции признаков коммуникантов и ситуации общения. Наконец, как русские, так и английские обращения (а в той или иной степени обращения любого языка – Braun 1988) несут значительную коммуникативную нагрузку, не просто называя адресата, но регулируя при этом различные аспекты процесса социального и межличностного взаимодействия между коммуникантами, а также выполняя (во взаимодействии с каким-либо высказыванием или изолированно) ряд функций, роднящих обращения с речевыми актами. Вышеперечисленные свойства обращений предопределяют своеобразие данных речевых единиц, а изучение их функционирования представляет несомненный научный интерес.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к проблемам языка и культуры, а также в целом к изучению мира знаний человека при помощи анализа лингвистических данных. Исследование средств адресации, по нашему мнению, является эффективным способом выявления национально-культурных особенностей речевого поведения носителей языка. В то же время, несмотря на то, что обращение уже долгое время находится в сфере внимания лингвистов (различные аспекты семантики и функционирования обращений получили свое отражение в работах Н.И.Формановской, С.В.Шевцовой, М.А.Оликовой, В.Е.Гольдина, А.Вежбицкой, Ф.Брауна, Р.Брауна, М.Форд и других ученых), сравнительное изучение систем обращений разных языков является новым полем лингвокультурологического исследования. В данной работе делается попытка системного рассмотрения русских и английских средств адресации в сравнительном аспекте на основе выработанной нами единой классификации обращений в ситуациях общения различного типа. Русские и английские средства адресации рассматриваются с точки

зрения своих функциональных свойств с учетом определенных когнитивных особенностей выделяемых групп единиц.

Научная новизна работы заключается в представлении совокупности русских и английских обращений как особых систем, отдельные уровни (подсистемы) которых ориентированы на то или иное сочетание параметров процесса общения, обуславливающих выбор обращений в речи. Выделяемые нами типы ситуаций общения, характеризующиеся специфической совокупностью таких параметров, выступают организующим фактором, детерминирующим распределение групп средств адресации на отдельные подсистемы. При этом мы стремимся проследить динамику развития русской и английской систем, рассматривая функционирование средств адресации в трех параллельных периодах существования русского и английского языков: 1890-1910 г.г. для английской и соотнесенный с ним дореволюционный период для русской системы средств адресации; 1930-1960 г.г. (английская система) - советский период существования русской системы; наконец, 1980-1990 г.г. применительно к английским средствам адресации и постсоветский период системы обращений русского языка. Новым является также рассмотрение обращения как особой, номинативной разновидности речевых актов, а также применение в ходе анализа выделяемых нами групп средств адресации понятийного аппарата когнитивной лингвистики. Кроме того, впервые делается попытка представления русских и английских обращений в виде лингвокультурологического поля, отдельные уровни в составе которого выделяются на основании таких признаков, как соотношение содержания и объема средств адресации, их тональность, а также общая соотнесенность рассматриваемых подсистем с определенными типами ситуаций общения. Анализ качественного состава уровней поля средств адресации и удельного веса составляющих их групп единиц, по нашему мнению, представляет собой эффективный способ выявления национально-специфических особенностей функционирования обращений.

Основная цель работы заключается в сравнительном исследовании систем русских и английских средств адресации с конца 19-го века до современного состояния: в прослеживании тенденций развития анализируемых систем и в выявлении национально-культурной специфики составляющих их групп средств адресации. В теоретическом плане, кроме того, нашей целью является определение статуса обращения как речевой единицы, - рассмотрение его коммуникативной нагрузки, выявление связей с теми или иными параметрами процесса общения и особенностей его функционирования в составе высказывания, в качестве самостоятельного высказывания и во взаимодействии с другими высказываниями.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н И ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

Цели исследования определили следующий ряд задач:

- определить теоретические предпосылки к исследованию средств адресации в когнитивном, лингвокультурологическом и функциональном аспектах;
- выявить параметры процесса общения, обуславливающие употребление русских и английских средств адресации;
- разработать общую для русского и английского языков классификацию ситуаций общения, отличающихся набором используемых типов средств адресации;
- рассмотреть обращение в русле теории речевых актов, установить пределы применимости положений теории по отношению к обращениям и выявить специфические свойства последних как особой разновидности речевых актов;
- рассмотреть функциональные особенности и когнитивные свойства русских и английских средств адресации, опираясь на выделенные типы ситуаций общения, отметить направления изменений в русских и английских подсистемах различного периода;
- последовательно сравнить качественные и количественные характеристики русских и английских средств адресации в каждом из выделенных общих типов ситуаций общения;
- определить критерии организации лингвокультурологического поля средств адресации и обобщить результаты исследования в виде полевой многоуровневой структуры.

В качестве методов исследования были использованы метод контекстного анализа, статистический метод, метод компонентного анализа, а также предложенный А. Вежицкой метод анализа прототипов (по отношению к некоторым антропонимическим средствам адресации).

Материалом исследования послужили около 2500 русских и 2700 английских обращений, отобранных из текстов художественных произведений. В качестве источников русских обращений были использованы произведения А.П. Чехова, В.С. Розова, А.Н. Арбузова, А.В. Вампилова, В. Суворова, С.П. Антонова, С. Довлатова, А. Карива, М. Москвиной; английских обращений – произведения Дж. Джерома, О. Генри, Т. Драйзера, Э. Хемингуэя, Ф. Фицджеральда, А. Кристи, Д. Фрэнсиса и С. Вудса.

Теоретическая значимость исследования состоит в определении статуса и ключевых свойств обращения как речевой единицы, а также в попытке решения ряда связанных с полем нашего исследования вопросов когнитивной лингвистики (рассмотрение типологии структур представления знаний) и лингвокультурологии (определение места

культуры в системе знаний человека, описание специфики взаимосвязи языка и культуры).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в лингвокультурологии, переводческом процессе, в учебных пособиях по русско-английским этикетным соответствиям, при чтении лекций и на семинарских занятиях по страноведению, в преподавании английского языка в высших учебных заведениях и школе в целях развития у учащихся социокультурной компетенции.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Обращение представляет собой одну из наиболее распространенных речевых единиц, связанных с этикетными знаками. Характеризуясь широким многообразием форм и употребляемостью в самых разных ситуациях общения, русские и английские обращения несут информацию о национально-культурной специфике речевого поведения носителей языка, поскольку входят в состав той части языковой картины мира, которая связана с культуроспецифичными моделями ролевого взаимодействия в стереотипных социальных ситуациях. В связи с этим представляется возможным говорить о наличии у обращений определенных когнитивных свойств, которыми могут обладать как группы обращений в целом, как и отдельные единицы в их составе.
2. Русские и английские обращения представляют собой речевые единицы, наделенные значительной коммуникативной нагрузкой. Исходная для обращения функция наименования адресата (служащая для установления или поддержания процесса общения) дополняется в речевом общении регулятивной этикетной функцией, роль которой возрастает пропорционально степени стереотипности ситуации, помимо этого в целом ряде ситуаций общения оказывается задействованной функция демонстрации личного отношения к адресату. Наконец, функциональные возможности обращений могут расширяться за счет того, что обращение вступает во взаимодействие с высказыванием, в составе которого оно используется, или с предшествующим контекстом. Способность обращений выступать в качестве самостоятельного высказывания, входить в состав какого-либо высказывания и взаимодействовать с предшествующим контекстом позволяет рассматривать обращение как особую разновидность речевых актов.
3. Эффективным способом выявления национально-культурной специфики русских и английских обращений является сравнение систем средств адресации этих языков (то есть языковых средств, способных выполнять функции обращения). Поскольку существенным для такого сравнения является то, что функционально сходные единицы должны

занимать в сопоставляемых системах аналогичные места, необходимо применение общего для рассматриваемых языков принципа организации этих систем. В качестве такого общего организационного принципа мы рассматриваем единую классификацию ситуаций общения, характеризующихся как в русском, так и в английском языке специфическим набором используемых типов средств адресации.

4. Структурная организация систем русских и английских средств адресации может быть смоделирована в виде лингвокультурологического поля. При этом выделяемые в составе данного поля уровни должны включать в себя те группы единиц, использование которых характерно для какого-то конкретного типа ситуаций общения. Помимо такой ситуативной соотнесенности, организация лингвокультурологического поля средств адресации определяется и внутрискруктурными критериями, в роли которых выступает, с одной стороны, соотношение содержания и объема средств адресации и, с другой стороны, тональность этих единиц. Сравнение соответствующих уровней русского и английского полей (их качественного состава и удельного веса составляющих их групп единиц) позволяет выявить специфические особенности систем русских и английских средств адресации.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на межрегиональной конференции "Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации" (Уфа 1999), на научно-теоретическом семинаре "Теория поля в современном языкознании" (Уфа 2000, 2001), научно-теоретической конференции "Коммуникативно-функциональное описание языка" (Уфа 2000), а также на межвузовских аспирантских семинарах при кафедре общего языкознания Башгосуниверситета (2000, 2001). Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры английского языка Башкирского государственного университета.

Цели и задачи исследования обусловили структуру работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и списка художественных произведений-источников.

Во *введении* излагаются цели и задачи исследования, обосновывается его актуальность и новизна.

В *первой главе* - "Проблема взаимосвязи языка и этнопсихологических особенностей восприятия и представления действительности" рассматривается специфика когнитивного подхода в исследовании языка и понятийный аппарат когнитивной лингвистики, делается попытка определить статус культуры в целостной системе знаний человека о мире (в концептуальной картине мира), анализируются различные подходы к решению вопроса о взаимосвязи языка и культуры. При этом мы ставим перед собой следующие задачи:

- в ходе анализа понятийного аппарата когнитивной лингвистики мы стремимся построить определенную иерархию форматов знания, представив свое понимание тех когнитивных структур, которые не получают однозначного определения в работах разных исследователей, - тем самым мы создаем предпосылки для рассмотрения применимости когнитивного аппарата в описании выделяемых нами групп средств адресации;

- в ходе определения статуса культуры в общей системе знаний человека и выявления специфики взаимодействия языка и культуры мы делаем попытку дать теоретическое обоснование того, в чем проявляется двойственное воздействие явлений культуры и языка друг на друга. Теоретическое значение этих вопросов для нашего исследования определяется тем, что при сравнительном изучении систем русских и английских средств адресации нас будут интересовать как национально-специфические особенности отдельных единиц в составе групп обращений, так и воздействие культуры на язык, проявляющееся в неодинаковом разнообразии и различной распространенности тех или иных форм обращения в русском и английском языках.

Стремясь выявить формы представления знаний с помощью языковых единиц, когнитивная лингвистика оперирует целым комплексом гипотетических структур, моделирующих организацию системы знаний: сценарий (скрипты), схемы, фреймы, прототипы, кластеры, концепты, суперконцепты. Сущность этих форматов знания по-разному трактуется в работах исследователей, некоторые термины зачастую используются синонимически (сценарии – скрипты - схемы), другие допускают возможность более широкого или более узкого понимания (фреймы, концепты). Неясным в этой связи является то, какие отношения существуют между различными форматами знания, каким образом они могут взаимодействовать между собой. Опираясь на наиболее общие свойства структур представления знаний, получающие отражение в работах таких исследователей, как М. Минский, Дж. Лакофф, И. Филлмор, Т. А. ван Дейк, Э. Рош, А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, Р.М. Фрумкина, Ю.С. Степанов, В.З. Демьянков и ряда других, мы строим рабочую схему иерархически организованных форматов знания, применимую к описанию когнитивных свойств средств адресации. К первому уровню, объединяющему наиболее элементарные единицы когнитивной системы, мы относим прототипы, ассоциирующиеся, как правило, с достаточно простыми конкретными объектами. В то же время более сложные и абстрактные объекты, относящиеся к области социальной жизни, внутреннего мира человека, культуры в целом, требуют для своего представления более сложных единиц, в роли которых выступают концепты. Как мы полагаем, в целостной системе знаний

индивида концепт существует как совокупность, “кластер” прототипов. Кластер состоит из набора прототипов, каждый из которых отражает функционирование обозначаемого объекта в определенном контексте, а взятые вместе они формируют целостное представление об объекте, т.е. концепт. Наличие связи с контекстом, ситуацией означает, что уже на уровне кластеров в систему представления знаний должны включаться фреймы. Фреймы представляют собой наиболее схематические и абстрактные элементы когнитивной системы - пучки связей, отношений, ассоциаций, связывающие воедино отдельные составляющие, отдельные прототипы различных кластеров. Вместе с тем сложные концепты, особенно те, которые связаны с явлениями культуры, очевидно, не могут быть представлены только как кластер прототипов, но должны включать в свою структуру фреймы, объединяющие в своих терминалах концепты меньшей степени общности. Одними из наиболее общих концептов являются суперконцепты, обозначаемые так называемыми “ключевыми словами” [Вежбицкая 1999: 282].

Целостная совокупность структур представления знаний составляет так называемую концептуальную картину мира. В онтологическом рассмотрении когнитивной системы наиболее существенным является вопрос о соотношении концептуальной и языковой картин мира. Языковая картина мира не исчерпывает всего содержания концептуальной картины, для их взаимодействия характерен дуализм: с одной стороны, язык представляет собой инструмент обработки мыслей и фиксации результатов мыслительной деятельности, с другой стороны, он сам является специфически отображенной формой существования концептуальной картины мира, осуществляя категоризацию действительности в своей грамматической структуре и единицах словаря. Примечательно, что вопрос о соотношении концептуальной и языковой картины мира во многом пересекается, а иногда и отождествляется с рассмотрением взаимодействия языка и культуры. Проблема взаимосвязи языка и культуры до сих пор не получила общепринятого однозначного решения. Прежде всего это связано с тем, что явление культуры, будучи интегральной характеристикой человеческого бытия в различных его проявлениях, весьма многоаспектно и допускает рассмотрение с позиций настолько различных, что они едва ли могут быть сведены в одной исчерпывающей трактовке. Разработан целый ряд концепций культуры, в рамках которых сформулировано несколько сотен определений этого явления, а диапазон взглядов на соотношение культуры и языка включает как полное растворение языка в культуре, так и отрицание прямой взаимосвязи обоих феноменов. Как мы стремимся показать, проблему взаимодействия языка и культуры целесообразно рассматривать не в онтологическом плане, в котором

явление культуры (как, впрочем, и языка) выступает как чрезвычайно сложное и многогранное, а в семиотическом, знаково-информационном аспекте (разрабатываемом такими исследователями, как Ю.М. Лотман, М.С. Каган, В.Н. Телия, Г.П. Нецименко, Е.Ф. Тарасов, А. Вежицкая, У. Гуденоу, К. Герц и рядом других). В этом случае оказывается возможным, с одной стороны, представление культуры и концептуальной картины мира как однопорядковых сущностей, с другой стороны, рассмотрение культуры и языка как структурно подобных семиотических систем, образующих диалектическое единство, отвечающее, в целом, принципам взаимодействия концептуальной и языковой картин мира.

Во *второй главе* - "Исследование функционирования средств адресации в ситуациях речевого общения" дается описание коммуникативной нагрузки, номинативных и структурных свойств обращений, рассматриваются параметры процесса общения, обуславливающие выбор средств адресации в речи, на основе чего выстраивается общая для русского и английского языков классификация ситуаций употребления обращений. Кроме того, мы анализируем ряд теоретических положений теории речевых актов, представляющих интерес с точки зрения их применимости к исследованию функционирования обращений в составе высказывания, в качестве самостоятельного высказывания и во взаимодействии с другими высказываниями.

Обращения русского и английского языков представляют собой речевые единицы, обладающие значительной коммуникативной нагрузкой. К их функциям относятся: функция наименования (идентификации) адресата речи, служащая установлению или поддержанию процесса общения, регулятивная этикетная функция, а также функция демонстрации личного отношения к адресату.

Употребление средств адресации в речи связано с целым комплексом экстралингвистических факторов. Моделируя процесс обмена обращениями между коммуникантами, мы группируем эти факторы в ряд параметров, обуславливающих выбор средств адресации участниками общения. Первые три параметра принадлежат к стратификационному типу, поскольку они отражают различные позиционные отношения между коммуникантами. Так, *гендерно-возрастной параметр* учитывает наиболее общие и независимые дифференциальные признаки пола и возраста участников общения. Второй стратификационный параметр был назван нами *статусно-ролевым*, поскольку он связан с особым видом взаимодействия коммуникантов, основанным на исполнении ими в той или иной степени стереотипных социальных ролей- производных социального статуса. Дополняющим по отношению к данным стратификационным параметрам, по нашему мнению, следует считать параметр модели

общения, учитывающий степень знакомства или родства коммуникантов, который можно назвать *индивидуально-позиционным*. Он состоит из представления говорящим своей собственной, индивидуальной позиции (и соответствующей роли) по отношению к адресату, которая в случае рассмотрения степени знакомства коммуникантов определяется совокупностью знаний и мнений говорящего об адресате и его свойствах. Перечисленные стратификационные параметры непосредственно связаны с *параметром коммуникативной ситуации* (ситуации общения), проявляющимся в знании говорящим конвенциональных норм речевого поведения в типичных социальных ситуациях. Наконец, *эмоционально-личностный параметр* модели общения характеризует субъективную эмоциональную дистанцию между коммуникантами, которая устанавливается спонтанно, под влиянием психических процессов.

В различных ситуациях общения влияние тех или иных параметров на выбор коммуникантами средств адресации оказывается неодинаковым. В соответствии с этим ситуации общения, в которых коммуниканты - носители русского и английского языков обмениваются обращениями, как нам представляется, могут быть разделены на несколько обобщенных типов. В основу нашей классификации ситуаций общения были положены следующие два критерия. Во-первых, это критерий степени знакомства или родства участников общения, проявляющийся в той или иной степени психологической близости, субъективной дистанции между коммуникантами. Во-вторых, мы опираемся на такой важный для процесса общения фактор, как характер ролевого взаимодействия коммуникантов. В данном случае можно говорить о разных типах ситуаций в зависимости от того, какой ролевой механизм лежит в основе процесса общения: исполнение ситуативных ролей в ходе кратковременных контактов отдельных индивидов или же исполнение социальных и межличностных ролей в социальных группах той или иной организации. Основываясь на этих критериях, мы выделяем следующие три типа ситуаций:

1. *Ситуации общения с незнакомым адресатом*. В данном случае имеются в виду ситуации общения, в которых говорящему известны только такие признаки адресата, как его пол, возраст (возрастная категория), ситуативная роль, иногда семейное положение, но не известны его имя и, как правило, социальный статус (за исключением тех случаев, когда статус может быть определен по исполняемой адресатом известной социальной роли). В ситуациях этого типа коммуниканты исполняют преимущественно ситуативные роли как в социальных группах простейшей организации, участие в которых носит кратковременный характер (роли пассажира, покупателя, клиента, т.д.), так и в условиях, когда образования группы, по сути дела, не происходит (напр., в общении случайных

прохожих). Ведущую роль в ситуациях общения с незнакомым адресатом играет индивидуально-позиционный параметр коммуникации, проявляющийся в факте незнакомства, наличии минимальной информации об адресате-участнике ролевого взаимодействия в группе, значимость которой для адресата невелика.

2. *Ситуации общения в условиях больших социальных групп (групп высокой степени формализации).* Эти ситуации характерны для процесса общения в различного рода социальных учреждениях и организациях, характеризующихся иерархической системой ролевых отношений, в которую включается и коммуникант в связи с его социальной ролью. Исполняемые коммуникантами роли в таких ситуациях достаточно четко определены, стереотипны, формализованы и непосредственно детерминированы той позицией, которую участник общения занимает в структуре группы. В больших социальных группах участник общения, как правило, знаком с людьми, во взаимодействии с которыми он исполняет свою роль, и ему хорошо известны такие их стратификационные признаки, как ранг, должность, звание, пост, степень и т.п. Определяющим фактором выбора форм обращения становится статусно-ролевой параметр. По признаку степени знакомства коммуникантов ситуации общения в условиях больших социальных групп занимают промежуточное положение между ситуациями незнакомства и ситуациями общения в малых социальных группах.

3. *Ситуации общения в условиях малых социальных групп.* Малые социальные группы, представляющие собой круг знакомых, друзей или родственников, характеризуются правилами ролевого взаимодействия, основанными не столько на стратификационных (статусно-ролевых), сколько на индивидуально-позиционных признаках коммуникантов (степень знакомства или родства участников общения). В процессе общения внутри малых социальных групп коммуниканты исполняют особые, межличностные роли. Права и обязанности, которые устанавливаются в межличностных ролях “целиком зависят от индивидуальных особенностей участников, их чувств и предпочтений” [Шибутани 1969: 266]. В качестве ключевых параметров в этих условиях выступают, таким образом, индивидуально-позиционный параметр (в данном случае проявляющийся в наличии родства или высокой степени знакомства коммуникантов) и эмоционально-личностный параметр. Группы обращений, употребляемых в неофициальных ситуациях, характеризуются различной степенью эмоциональной близости, субъективной дистанции между адресантом и адресатом. Исходя из этого, ситуации общения внутри малых социальных групп были подразделены нами на неофициальные ситуации общения первого (минимального) и второго уровней социальной дистанции. Параллельно

такого деления в сфере социальной психологии является различие, проводимое исследователями между первичными и вторичными отношениями в социальных группах. Первичные отношения включают в себя “те контакты, которыми характеризуется, например, взаимодействие в большинстве семей, в кружке близких друзей или в компании подростков” [Шибутани 1969: 306]. Под вторичными отношениями понимается взаимодействие за пределами таких значимых (эталонных) социальных групп. Рассмотренные типы ситуаций и параметры процесса общения были использованы нами в практической части работы в ходе сравнительного анализа систем русских и английских средств адресации.

Наряду с выявлением зависимости обращения от экстралингвистических факторов, важную роль в определении статуса этой речевой единицы играет изучение взаимодействия обращения с другими высказываниями. При рассмотрении функционирования обращения в качестве самостоятельного высказывания, взаимодействующего с контекстом, или как составной части высказывания мы обращаемся к теории речевых актов, в рамках которой нами был рассмотрен следующий ряд вопросов, представляющих интерес с точки зрения применимости соответствующих теоретических положений к исследованию обращений:

- проблема применимости критерия истинности / ложности к речевым актам. В данном случае мы придерживаемся точки зрения Дж. Остина, по мнению которого, функционирование речевых актов определяется прежде всего категориями успешности и неуспешности;
- проблема трехуровневого представления речевого акта. Ссылаясь на мнение ряда исследователей (Дж. Р. Серль, Ф. Реканати, М. Штейнман), мы пытаемся показать, что между локутивным и иллокутивным актом зачастую трудно провести четкую границу, и что более эффективным способом описания речевого акта является его представление как единства пропозиционального содержания и иллокутивной силы;
- проблема определения сущности иллокуции и связанная с этим проблема классификации иллокутивных актов. Здесь мы рассматриваем понятие пропозиции, от которого отталкиваемся впоследствии при анализе иллокутивных свойств обращений, а также стремимся выявить общие категории в различных классификациях иллокутивных (речевых) актов.

В *третьей главе* - “Сравнительный анализ систем русских и английских средств адресации” раскрываются особенности употребления обращений как особой разновидности речевых актов, проводится последовательное рассмотрение функционирования русских и английских средств адресации в выделенных типах ситуаций общения и результаты анализа получают обобщенное представление в структуре поля средств адресации для русского и английского языков. По нашему мнению, обращение представляет собой особый речевой акт, способный

выполнять определенный набор функций самостоятельно или во взаимодействии с различными высказываниями. В обращении могут быть выделены как общие с другими речевыми актами, так и специфические черты. Так, очевидно, что обращение является осуществлением действия, характеризующегося определенным намерением со стороны говорящего. В наиболее общем виде это намерение состоит в том, чтобы вызвать у адресата такую реакцию, которая обеспечивала бы установление процесса общения или поддержание коммуникации в необходимой для адресанта тональности. Подобно перформативам, обращения также не являются ни истинными, ни ложными. В то же время обращение представляет собой не эксплицитный, а своеобразный имплицитный перформатив.

Имплицитный характер обращения как перформатива обусловлен присущей ему номинативной природой. Основное отличие обращения от других типов речевых актов (в частности от тех, которые рассматривались представителями английской логико-философской школы) заключается в том, что обращение, будучи номинацией, способно лишь имплицитировать пропозицию, но никогда не содержит ее в явном, непосредственно данном виде. Способностью имплицитировать пропозицию обращение обладает в силу того, что в число коммуникативных функций средств адресации входит выражение оценки, демонстрация субъективного отношения к адресату. Выражение субъективного отношения осуществляется прежде всего благодаря тому, что система средств адресации любого языка образована совокупностью знаков двух типов: идентифицирующими и характеризующими, или предикатными словесными знаками. Идентифицирующие слова являются своего рода сигналом, вызывающим у собеседников субъективные представления о денотате или конкретном референте [Арутюнова 1976: 328]. Большая часть однословных средств адресации представляет собой именно идентифицирующие номинации: гонорифические обращения (*товарищ, господа; sir, madam*), обращения, обозначающие социальную или ситуативную роль (*водитель, доктор; professor, inspector*); гендерно-возрастные обращения (*мальчик, девушка, молодой человек; boy, man, lad*), формы родства (*мама, дедушка; Dad, Uncle*). Антропонимические средства адресации (*Андрей, Петр Сергеевич, Колька; John, Letty, Fletcher*) исходно также являются идентифицирующими номинациями, но, поскольку часто несут субъективно-оценочный заряд, способны выступать и в функции предикатных номинаций. Если идентифицирующие номинации служат знаковым заместителем предмета, то особенностью предикатных (характеризующих) номинаций является “способность обобщенной репрезентации свойств, предметов, явлений и их отношений в реальной действительности” [Уфимцева 1977: 37]. Использование предикатных номинаций в функции обращения представляет собой

важный механизм, служащий выражению субъективного, оценочного отношения к адресату. К типу предикатных номинаций относится весь корпус эмоционально-оценочных средств адресации, включающий как однословные, так и многословные номинации (*милый, родной, солнышко, крошка, милая детка; darling, dear, honey, sweet, poor baby*). При рассмотрении обращения как речевого акта особый интерес представляют сложные номинации, в которых можно выделить как идентифицирующий, так и предикатный компоненты. Средства адресации способны образовывать сложные номинации двух различных типов. Первый тип образуют разнообразные сочетания идентифицирующих (прежде всего антропонимических) и предикатных номинаций (*милая Катя; дорогой Иван Иванович; Маша, ангел мой; милый papa; dear Catherine; darling Aunt Jane; Mother, dear*). Вторая разновидность сложных номинаций представлена суффиксальными производными обращений, образованными от антропонимов и форм родства (*Валечка, Валюша, Валенька, братишка, доченька; Jimmy, Leslie, Jackie, sonny, Granny*).

Исходя из приведенных выше соображений, можно сделать вывод, что речевой акт обращения может быть символически обозначен как $F(n)$, где F - иллокутивная сила, а n - номинативное содержание высказывания или его части, выраженной обращением. В то же время способность имплицировать пропозицию, которой обладают номинативные единицы, содержащие в себе элемент предикации, оценки, может быть представлена как производная $\Gamma(p)$, где под p понимается исходная пропозиция, фиксирующая те свойства объекта, которые затем получают отражение в номинации $n=\Gamma(p)$.

Рассмотрение обращения как иллокутивного акта ставит вопрос об определении его места в общей классификации иллокутивных актов. Обращения, употребляющиеся в сфере стереотипных ситуаций социального взаимодействия, в экспрессивном отношении, как правило, нейтральны и проявляют свойства директивов. В то же время использование эмоционально-оценочных и различных суффиксальных средств адресации предполагает коммуникативную интенцию говорящего выразить направленную на адресата оценочную реакцию, что объединяет их с экспрессивами.

Наконец, обращения проявляют свойства речевых актов также и в том, что к ним оказываются применимы основные положения концепции коммуникативных неудач. В нашем исследовании мы выделяем два основных типа неудач. С одной стороны, обращение может не достичь своей цели из-за того, что оказывается неосуществленной идентификация адресата - при употреблении средств адресации с недостаточной идентифицирующей способностью или же неверной идентифицирующей номинации.

- " *I must warn you, Letitia* - "

- " *Charlotte Blacklock,*" corrected Miss Marple (A. Christie).

С другой стороны, обращение, с достаточной определенностью идентифицирующее адресата, может не приниматься последним, расцениваться как неадекватное в силу того, что оно вступает в противоречие с конвенциональными нормами речевого поведения в обществе или социальной группе (а), а также если адресат считает неуместным реализованное в обращении выражение того или иного субъективного отношения к нему (б).

а) - *Капитан Суворов.*

- *Я, товарищ полковник.*

- *Называйте меня просто Петр Федорович (В.Суворов);*

- "Thank you, *Detective,*" Chris said.

- "Please call me Jon" (S. Woods);

б) - *Слушайся мать, стручок.*

- *Пожалуйста, я вас очень прошу - не учите меня... И прошу - не называйте меня стручком (В. Розов);*

- "Why, if it isn't little Bessie now! Fancy that! After all these years! Little Bessie..."

- "Nobody but you ever called me Bessie. It's a revolting name" (A. Christie).

В целях выявления функциональных характеристик отдельных групп средств адресации в русском и английском языках нами было проанализировано употребление этих групп в выделенных типах ситуаций общения на материале примеров из художественных произведений, относящихся к трем историческим периодам. Качественный состав подсистем средств адресации, реализующихся в различных типах ситуаций общения в тот или иной период, а также частотность (в процентном отношении) отдельных групп внутри данных подсистем отражены в 22-х диаграммах.

Как мы стремимся показать, совокупность таких подсистем может быть представлена в виде полевой структуры. В рамках предлагаемой нами схемы в качестве ядра русского и английского полей представлен абстрактный концепт адресата как этнической, национальной личности, носителя совокупности общих и этнокультурных признаков, получающих то или иное отражение в функционально-семантических свойствах средств адресации. Ориентированность единиц поля на экстралингвистическое и культурологическое по своей природе ядро, а также соотнесенность отдельных уровней полевой структуры с

определенными типами ситуаций общения позволяют говорить о лингвокультурном характере поля средств адресации. При построении структуры поля мы исходили из того, что выделенные нами на основании объективных признаков ситуации общения подсистемы средств адресации должны сохранить свою целостность. В то же время, поскольку поле средств адресации представляет собой схематическую конструкцию, ему необходим свой собственный внутрисконструктурный принцип организации, определяющий взаимное расположение составляющих поля в соответствии с экстралингвистическим параметром ситуации. Как нам представляется, в данном случае можно говорить о наличии комплексного принципа организации, состоящего из двух критериев, различающихся своей природой, но действующих одинаково. Это связано с тем, что в русском и английском языках единицы, способные выполнять в речи функцию обращения, по своим наиболее общим номинативным свойствам можно подразделить на две большие категории. Обозначая их как однореферентные и многореферентные средства адресации, мы основываемся на том, что первые представляют собой индивидуализирующие средства наименования адресата, закрепляемые в каждой социальной группе за конкретными референтами. Многореферентные обращения, в свою очередь, включают в себя единицы, способные обозначать определенное множество, класс лиц, отвечающих признакам, которые закреплены в семантике соответствующих средств адресации. Тип *однореферентных средств адресации* образован антропонимическими обращениями, к которым относятся такие группы, как:

- обращения по имени - полные, эллиптические (сокращенные) и суффиксальные (*Алексей, Витя, Сереженька; Henry, Bill, Archie*);
- обращения по фамилии - полные (*Суворов, Craddock*), а также (только в английском) - эллиптические и суффиксальные (*Sim < Simmons, Hinch < Hinchliffe; Fergy < Ferguson, Bunny < Bunner*);
- специфичные для русского языка обращения по имени-отчеству (*Андрей Григорьевич, Тамара Тимофеевна*) и только по отчеству (*Васильч, Петровна*);
- обращения-прозвища (*Негатив, Кусть; Sweets, Poppy*), сочетающие в себе признаки собственных и нарицательных имен.

В круг *многореферентных средств адресации* вошли группы обращений, выраженных именами нарицательными и прилагательными:

- обращения-формы родства - полные, эллиптические и суффиксальные (*отец, ма, сынок; Mother, Dad, Aunt*);
- метафорические формы родства (*отец, брат; mummy, brother* - адресованные лицам, не состоящим в родстве с адресантом);

- эмоционально-оценочные обращения (*милый, крошка, ласточка моя; darling, baby, sweetie, kitten*);
- обращения, обозначающие социальный статус (или, в зависимости от ситуации, ситуативную роль) - *доктор, товарищ майор, профессор; officer, sergeant, detective*;
- гонорифические обращения (*товарищ, господа; sir, madam, ma'am*);
- гендерно-возрастные обращения (*молодой человек, девушка; young man, lad*).

Критерии, составляющие принцип организации элементов поля, в неодинаковой степени применимы по отношению к однореферентным и многореферентным средствам адресации. В частности, группы многореферентных средств адресации могут быть структурированы относительно ядра в зависимости от соотношения содержания и объема единиц в составе этих групп. В общем случае для каждого многореферентного средства адресации содержанием будет его собственное лексическое значение, включающее определенный набор признаков адресата, а объемом - класс референтов, соответствующих этим признакам. В то же время обращение как речевая единица, рассматриваемая в системе отсчета адресанта, предполагает, что объему каждой единицы в реальных ситуациях общения будет соответствовать более или менее определенная совокупность референтов конкретного языкового коллектива. Вместе с тем несложно установить, что критерий соотношения содержания и объема оказывается неприменим к однореферентным антропонимическим средствам адресации. Однореферентные средства адресации, в отличие от многореферентных, лишены такого индивидуального лексического значения, которое отличало бы конкретные единицы (имена, фамилии, отчества), от всех остальных единиц той же группы. Поэтому для однореферентных средств адресации в роли критерия, определяющего позиции групп обращений в структуре поля, выступает связанная с экстралингвистическим параметром ситуации общения тональность средств адресации. Примечательно, что критерий тональности применим как к однореферентным, так и многореферентным обращениям.

Исходя из этих соображений, в *центр* русского и английского полей нами были включены группы средств адресации, обладающие, с одной стороны, наибольшим значением отношения содержания единиц к их объему (для многореферентных обращений), и, с другой стороны, объединенные наименее официальной обиходной / обиходно-фамильярной тональностью. Центр поля русских средств адресации, таким образом, образован следующими группами (характерными для рассмотренного ранее первого уровня социальной дистанции):

1. Обращения по имени. Обращения этого типа в советской и современной подсистемах становятся доминантной группой этого наиболее близкого к ядру уровня. Как следует из приводимых диаграмм, значение их частотности возрастает от 38% дореволюционного периода до 73% советского и 69% современного периодов.

2. Эмоционально-оценочные обращения: *милой, родной, золото мое, детка...* (соответствующие значения: дореволюц. - 43%, совет.- 11% и совр.- 21%). Как следует из наших примеров, функцию передачи субъективного отношения к адресату, выполняемую в дореволюционной подсистеме эмоционально-оценочными формами повышенной тональности: *ангел мой, душа моя, птица моя белая, мой дивный* и т.д., в советский период берут на себя характерные для обиходной тональности суффиксальные производные имен. Современное состояние рассматриваемой подсистемы, в свою очередь, характеризуется возрастанием удельного веса эмоционально-оценочных средств адресации.

3. Обращения-формы родства: *мама, дочка, сестра, дед...* (как показывают диаграммы, составляющие порядка 13-17% в примерах дореволюционного и советского периодов).

Значительно слабее представлены такие группы, как:

4. Метафорические формы родства: *брат* (по отношению к другу), *мать* (напр., по отношению к жене) – в диаграммах дореволюционного и советского периодов – 1-2%, в то же время в современном использовании удельный вес этой группы возрастает до 5%.

5. Обращения-прозвища: *Сильва, Негатив...* – очень редкие (менее 1%) в дореволюционной подсистеме и около 2% в примерах советского и постсоветского периодов.

В свою очередь, в центр поля английских средств адресации вошли следующие группы:

1. Обращения по имени. Как и в случае русских обращений советского и современного периодов, эта группа занимает доминантную позицию (согласно диаграммам, значение их частотности во всех анализируемых подсистемах составляет 47-53%). Подобно русским обращениям, английские обращения по имени активно употребляются в эллиптических и суффиксальных вариантах. Однако наш анализ показал, что английские эллиптические и суффиксальные именные формы имеют практически одинаковую распространенность (26% и 27%), тогда как в русском языке суффиксальные варианты имеют больший удельный вес (40%) и, кроме того, преобладают над эллиптическими (составляющими 32%). Как мы старались показать, это связано со значительно большим потенциалом экспрессивного словообразования русского языка и с тем, что русская культура в большей степени предрасполагает говорящего к эксплицитному выражению эмоций.

2. Эмоционально-оценочные обращения: *dear, darling, sweet, love, kitten...* (как показывают диаграммы, они проявляют тенденцию к усилению своих позиций: от 30% (1890-1960г.г.) до 42% в современном употреблении). Существенно большую распространенность английских эмоционально-оценочных обращений по сравнению с русским языком мы связываем с тем, что английские обращения этого типа берут на себя часть экспрессивных функций, для реализации которых оказывается недостаточно использования суффиксального производного имени. В то же время многообразие суффиксов субъективной оценки в русском языке дает возможность выразить значительно более широкий диапазон оттенков личного отношения к адресату, не обращаясь к помощи эмоционально-оценочных единиц.

3. Обращения-формы родства: *Dad, Mum, Auntie, Uncle...* (их средняя частотность в наших примерах 1890-1960 г.г. составила около 8%).

4. Обращения по фамилии (с частотностью на уровне 6-7% во всех трех подсистемах). Наличие обращений по фамилии среди групп, наиболее близких к ядру, является отличительной особенностью системы английских средств адресации. Не имеет аналогов в русском языке и образование эллиптических, а также суффиксальных вариантов фамилий (достигающих, соответственно, 27% и 23% от общего числа фамильных форм).

5. Обращения-прозвища: *Poppet, Bunch, Sweets...* частотность которых в наших современных примерах возрастает с 1% в начале и середине века до 4% в современном использовании.

Наконец, удельный вес гендерно-возрастных обращений ни в одной из подсистем не превышает 1%.

Второй уровень русского и английского полей включает в себя группы обращений, характеризующихся (нейтрально-)обиходной тональностью, соответствуя подсистеме единиц второго уровня социальной дистанции. Следующие группы обращений составляют второй уровень русских средств адресации:

1. Обращения по имени-отчеству. Эта специфичная для русского языка группа занимает доминирующее положение в рамках данного уровня, показывая почти одинаковые значения частотности в анализируемых исторических отрезках: 61-64%. В функциональном отношении обращения по имени-отчеству выступают аналогом английских комбинированных форм вежливости *Mr (Mrs, Miss, Ms) + фамилия*.

2. Метафорические обращения - формы родства: *батенька, брат, тетя, дядя*+ имя. Как показывают диаграммы, удельный вес этих обращений возрастает от 6% в дореволюционном употреблении до 25%

в подсистеме советского периода (главным образом благодаря распространенным комбинированным формам *тетя(дядя) + имя*).

3. Обращения по фамилии (получив распространение в советское время, занимают около 7%). Как мы стремились показать, русские обращения по фамилии характеризуются меньшей степенью психологической близости по сравнению с английскими, и тональность их употребления указывает на несколько более официальный характер общения.

4. Обращения по отчеству (в наших примерах советского периода - около 4%) Культуроспецифичные обращения по отчеству обладают двойственной природой, указывая на доверительный, особый характер отношений между коммуникантами и в то же время реализуя присущий им оттенок уважительности.

Свойственные дореволюционному периоду формы вежливости (*сударь, господа, мадам...*), а также обращения, обозначающие социальный статус (*полковник, доктор, барон...*), выходят из сферы общения внутри малых социальных групп.

Второй уровень поля английских средств адресации, как показывает анализ, к концу 20 века, претерпевает существенные изменения. Общая для современной системы английских обращений тенденция к усилению неформального характера общения приводит к тому, что фактически за пределами коммуникации в малых социальных группах оказываются формы вежливости (*sir, Madam, Mr (Mrs, Miss, Ms) + фамилия*) и обращения, обозначающие социальный статус (*colonel, inspector, doc*). Обращения последнего типа, а также однословные гонорифические средства адресации в наших современных примерах (относящихся к ситуациям общения в условиях малых социальных групп) отсутствуют. Примечательно, что эти изменения очень напоминают те, которые произошли после революции с соответствующей подсистемой русских обращений. В своем современном состоянии второй уровень поля английских средств адресации образован следующими группами:

1. Обращения по имени, обладающие в настоящее время наибольшим удельным весом (согласно нашим диаграммам, до 89%).

2. Эмоционально-оценочные обращения, появляющиеся в наших современных примерах (4%).

3. Комбинированные гонорифические обращения *Mr (Mrs, Miss) + фамилия*. Занимавшая в 1890-1960 г.г. ведущую позицию (66%), эта группа незначительно проявляет себя в современном употреблении внутри малых социальных групп. Все три группы указывают на существенно большую неформальность общения в рамках второго уровня социальной дистанции в английском языке по сравнению с русским, где главная роль в соответствующих ситуациях принадлежит обращениям по

имени-отчеству, передающим уважительное отношение к адресату (даже если учитывать некоторое ослабление позиций данных обращений в современном использовании).

Группы обращений, составляющих *третий уровень* поля русских и английских средств адресации, характеризуются преимущественно нейтральной тональностью, которая указывает на то, что сферой их использования является преимущественно официальная обстановка общения. Среди многореферентных средств адресации, входящих в состав третьего уровня, такие группы, как обращения, обозначающие социальный статус (*командир, сержант, бригадир, major, doctor, priest*) и, особенно, гонорифические обращения (*товарищ, sir*), отличаются меньшим по сравнению с группами второго уровня значением отношения содержания к объему. Включая в состав третьего уровня антропонимические средства адресации, мы отождествляем эту область поля с подсистемой обращений, функционирующих в официальных ситуациях общения внутри больших социальных групп (групп высокой степени формализации).

Третий уровень поля русских средств адресации образован следующими группами (на материале примеров советского периода):

1. Комбинированные гонорифические обращения. В наших примерах советского периода обращения, составленные по схеме *товарищ* + обозначение звания или должности и *товарищ* + фамилия, характеризуются высокой распространенностью (около 27%), совпадая по своей частотности с обращениями по имени-отчеству.

2. Обращения по имени-отчеству (со значением в 27%). В связи с резким сужением сферы употребления гонорифического обращения *товарищ* эта специфичная для русского языка группа антропонимических обращений в настоящее время берет на себя функции универсальной формы вежливости, направляемой знакомым адресатам.

3. Обращения, обозначающие социальный статус. В отличие от аналогичных английских средств адресации, изолированные обращения, обозначающие социальный статус (*рядовой, бригадир, председатель, часовой*) не получают большого распространения (русские обращения - 11%, английские обращения - 47%).

4. Обращения по фамилии (значение частотности в наших примерах - 13%).

5. Обращения по имени (19%).

Специфика произведений, послуживших источниками обращений постсоветского периода, заключающаяся в том, что официальное общение в больших социальных группах представлено значительно слабее по сравнению с другими типами ситуаций, позволяет лишь сделать качественный вывод о возрастании роли обращений по имени-отчеству,

компенсирующих уменьшение удельного веса комбинированных гонорифических форм, а также об увеличении частотности обращений по имени. Последнее, по нашему мнению, обусловлено тенденцией к снижению степени официальности общения.

Соответствующий уровень поля английских средств адресации представлен такими группами, как:

1. Обращения, обозначающие социальный статус: *constable, detective, chief, officer, doctor,..* В наших примерах 1930-1960 г.г. обращения этого типа являются доминирующими (47%), совершенно не требуя, в отличие от их русских аналогов, совместного использования с формами вежливости. Возрастание неформальности общения приводит к тому, что в современном состоянии подсистемы обращения этого типа значительно ослабляют свои позиции (12%), вытесняясь обращениями по имени.

2. Гонорифические обращения: *Mr (Mrs, Miss, Ms) + фамилия*. Частотность этих обращений, превышающая в 1930-60г.г. частотность советских комбинированных форм вежливости (39% против 27%), в современных источниках снижается до 27%) в силу уменьшения степени официальности общения.

3. Обращения по имени. Именно эта группа становится доминантной группой третьего уровня в современном состоянии рассматриваемой подсистемы обращений. Тенденция к выражению формального равенства коммуникантов внутри социальной группы приводит к резкому возрастанию удельного веса обращений по имени с 8% (1930-60 г.г.) до 51% в наших примерах современного периода.

4. Обращения по фамилии, остающиеся в пределах 5-6%.

5. Эмоционально-оценочные обращения: *pal, kid, baby, darling,..* Эта группа обращений появляется в наших современных примерах, свидетельствуя об усилении неофициальности общения (при частотности около 5%).

Последний, **четвертый уровень** русского и английского полей образуют многореферентные средства адресации, характеризующиеся в своем большинстве нейтральной тональностью и наименьшим значением отношения содержания к объему. Выявляя такие признаки адресата, как пол, а иногда также возраст (гонорифические обращения), пол и возраст (гендерно-возрастные обращения и метафорические формы родства), подобные многореферентные единицы могут направляться неограниченному множеству незнакомых коммуникантов, отвечающих этим наиболее общим признакам. Таким образом, четвертый уровень соответствует подсистеме средств адресации, функционирующих в ситуациях общения с незнакомым адресатом.

Русские средства адресации, образующие этот уровень поля, включают:

1. Однословные гонорифические обращения: *товарищ, сударь, господа, мадемуазель*,... В дореволюционный период обращения этой группы занимают первое место по своей распространенности (54%). Упразднение старой системы форм вежливости коренным образом меняет картину распределения средств адресации. Частотность обращения *товарищ*, почти абсолютно доминирующего внутри данной группы в советское время, в наших примерах этого периода составляет наряду с весьма немногочисленными другими формами вежливости (такими, как *любезный, барышня, уважаемый*) уже 19%. Наконец, в современном состоянии группа форм вежливости отличается отсутствием доминантных единиц, и употребление составляющих ее средств адресации носит весьма неустойчивый характер. Как мы пытались показать, гонорифические обращения, стремящиеся в настоящее время занять место утратившего свою универсальность обращения *товарищ*, в силу своих когнитивных свойств мало соответствуют современному образу адресата. В наших современных примерах частотность гонорифических обращений уменьшается до 12%.

2. Обращения, обозначающие ситуативную (или социальную) роль: *гражданин, сосед, хозяин, водитель, продавец*,... Примеры дореволюционного, советского и современного периодов показывают практически одинаковую частотность этих обращений: 18-19%.

3. Гендерно-возрастные обращения: *мальчик, парень, девушка, ребята, мужчина, мужик*,... Активное использование обращений этого типа является отличительной особенностью русского языка и культуры. Если в дореволюционный период гендерно-возрастные обращения еще не получают высокого распространения в речи представителей образованного сословия – 7% (характеризуясь, в то же время, вдвое большей частотностью (15%) в общении носителей просторечия), то в наших примерах советского периода эта группа является доминирующей (30%), а в современных источниках по своей частотности выходит на второе место (22%).

4. Метафорические обращения-формы родства: *отец, брат, братья, мамаша*, направляемые незнакомым людям. По своим семантическим свойствам и распространенности в речи (дореволюц. период – 15%, в советской и современной подсистемах - 19-20%) эта группа очень близка гендерно-возрастным обращениям. Как мы стремимся показать, гендерно-возрастные обращения и метафорические формы родства служат обозначением для элементов прототипических цепочек, представляющих последовательности возрастных категорий (напр., *мальчик - молодой человек (юноша, парень) - мужчина (мужик) - отец -*

дед (дедуля). Традиционно, с начала века и до современного периода, группа метафорических форм родства характеризуется наличием доминантной единицы - *брат*, допускающей образование различных производных (*братец, братишка, браток, братцы*, и др.).

5. Эмоционально-оценочные обращения: *друг, малый, милочка, дорогуша*,... Удельный вес этих обращений довольно резко возрастает с 5% в дореволюционных до 13% в советских и 28% в современных источниках, свидетельствуя о существенном снижении формальности общения в условиях незнакомства коммуникантов. В советский период и, особенно, в современном использовании роль доминантной единицы этой группы берет на себя обращение *друг*.

Четвертый уровень поля английских средств адресации, в свою очередь, составлен следующими группами:

1. Гонорифические обращения: *sir, Madam, ma'am, Miss*,... Эта группа является традиционно доминирующей в рамках рассматриваемой подсистемы. Обращает на себя внимание последовательное увеличение частотности гонорифических обращений: от 55% в источниках 1890-1910 г.г., до 68% в период 1930-60 г.г. и, наконец, 81% в наших современных примерах. Наличие столь явно доминирующей группы резко отличает английскую подсистему обращений к незнакомому адресату от русской (за исключением дореволюционного периода существования последней). Вместе с тем в английской речи заметна тенденция к максимальному сокращению в процессе общения формального этапа обмена формами вежливости. Существенно также, что английские гонорифические обращения заметно отличаются от русских по своим когнитивным свойствам. Если русские гонорифические обращения обладают прежде всего концептуальной (*товарищ*) и прототипической (*сударь, сударыня, господин, госпожа*) природой, то для английских традиционных форм вежливости характерна фреймовая семантика (функционирование в качестве формальных терминалов фреймов соответствующих ситуаций).

2. Обращения, обозначающие ситуативную (социальную) роль: *officer, inspector, doctor*,... Удельный вес этих обращений резко падает с 20-23% (1890-1960 г.г.) до 4% в современных источниках, уступая универсальным гонорифическим обращениям.

3. Гендерно-возрастные обращения: *young man, fellow, lad, kid*,... Менее разнообразные, чем в русском языке обращения этой группы очень слабо (за исключением произведений 1890-1910 г.г.) представлены в наших примерах: 1% - 4%. То же самое, и даже в большей степени, относится к метафорическим формам родства, - ни в одном из рассматриваемых периодов их частотность не превышала 1%. Как уже упоминалось, в русском языке частотность и той, и другой групп, напротив, стабильно высокая. Многоэлементные прототипические

печочки, образуемые русским гендерно-возрастными обращениями и метафорическими формами родства, не имеют аналогов в английском языке.

4. Эмоционально-оценочные обращения: *dear, pal, baby, buddy...* Удельный вес этих обращений постепенно возрастает с 5-7% в произведениях 1890-1960 г.г. до 10% в наших современных примерах как следствие тенденции перехода к менее формальному общению. Характерно, что та же закономерность (и даже в большем масштабе) прослеживается и в развитии русской подсистемы обращений к незнакомому адресату.

В целом, английские средства адресации рассматриваемого уровня отличаются от русских большей вежливостью и конвенциональностью, а для русских средств адресации, в свою очередь, характерно более выраженное качественное разнообразие и многоплановость когнитивных свойств.

В заключении подводятся итоги проделанного исследования.

Основные положения диссертации получили освещение в следующих публикациях по теме исследования:

Экспрессивное словообразование имен собственных в русском и английском языках // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации. Материалы межрегиональной конференции - Уфа, 1999. – с.116 -119;

Лингвокультурологическое поле русских и английских средств адресации// Теория поля в современном языкознании ч. VI. Материалы науч.-теор. семинара - Уфа, 2000.- с.145 - 147;

Функциональное представление систем русских и английских средств адресации // Коммуникативно-функциональное описание языка. Материалы науч.-теор. конференции. –Уфа, 2000. – с. 98-102;

Компоненты поля адресации как номинативные речевые акты// Теория поля в современном языкознании. Межвузовск. научн. сб. - Уфа, 2001.- с. 128 – 135.

Погорелко Александр Михайлович

СИСТЕМА СРЕДСТВ АДРЕСАЦИИ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 19.11.01 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Компьютерный набор.
Отпечатано на ризографе. Гарнитура Times.
Усл.печ.л. 1,49. Уч.-изд.л. 1,64. Тираж 100 экз. Заказ 789.

*Редакционно-издательский центр Башкирского университета.
Отпечатано на множительном участке Башкирского университета
450074. Уфа, ул. Фрунзе, 32. Тел.: (3472)236-710*

d - 00